

Валерий Стрижов

СКАЗАНИЕ

О

ЛЕРЕ

Валерий Стрижов

СКАЗАНИЕ О ЛЕРЕ ЧАРОДЕЕ

«Автор»

2026

Стрижов В.

СКАЗАНИЕ О ЛЕРЕ ЧАРОДЕЕ / В. Стрижов — «Автор», 2026

Попаданец в русскую деревню, ширь, гладь, сказочные места. Волшебство, меч-кладенец, немного юмора.

© Стрижов В., 2026

© Автор, 2026

Валерий Стрижов

СКАЗАНИЕ О ЛЕРЕ ЧАРОДЕЕ

СКАЗАНИЕ О ЛЕРЕ ЧАРОДЕЕ

Сказание о Лере-чародее, супротивном лесе и мече, что сам руку сечёт

Глава первая, в коей является колдун незванный

Случилось сие деяние во времена, когда луна ещё заглядывала в избы, словно любопытная соседка, а Леший на границе леса курил трубку из берёсты. В глухой деревне Заозёрье, затерянной среди мхов и топей планеты, что звалась Седая Вязь, народ жил смиренно, но опасно. Всяк знал: за околицей — не наша земля. Там духи Глуходрема шепчут, там Ветрогон-бес кружит прохожего до седьмого пота, там корни, словно жилы, тянутся к крови.

И вот явился к ним однажды Лера.

Как попал — не ведали ни старые, ни малые. Бабка Злыдня, что видела порчу на курином яйце, божилась: упал мужик прямиком из разодранного неба, притом в кроссовках грязных и с плоской доскою в руках, на коей бесы пишут свои склянки. Сам же Лера рассказывал складно, да непонятно: «С Земли я, из Москвы, программист». Только кому в Заозёрье ведом программист? Решили — колдун неведомый, причём не наш, а залётный.

Лера поначалу буянил. Требовал «интернет», плевался, грозил «Роспотребнадзором». А как увидел, что в ответ его крестят да от сглаза ложки о притолоку бьют — притих. Обжился в баньке заброшенной, раздобыл у кузнеца-покойника (тайно, по ночам) углей железных да нашёл под крыльцом книжищу — «Громник Старого Корня», кожей драной обитую, застёжки костяные. Раскрыл — а там не буквы, а узоры живые. Шевелятся, ложатся в заклятья.

Понял Лера: его код уже не С++, а стихийный.

Глава вторая, о порче на коров, чародействе огненном и сглазе невольном

Первой беда приключилась на ферме у вдовы Матрёны. Корова её Зорька, добрая душа, вдруг дала молоко чёрное, густое, как дёготь, и с привкусом обиды. А утром из хлева вышел телёнок с тремя тенями следом. Заохали бабы — порча! И пал подозрением на Леру.

Только он ли? А Лера в ту ночь сидел с книгою, заунывно выводил пальцами руну «Ветролом», чтоб избы от сквозняков мировых убересть. Не сдержался — взял чуток. И вышло не ветролом, а злой **суховея**, что прошёлся по Заозерью, спалил весь укроп на огородах и занёс в колодец жабу трёхглазую. Мужики пришли с вилами. Лера вышел, чешет затылок:

— Граждане, да это баг в системе. Сейчас откатим.

И как щёлкнул заклинанием «Обрат-Ход» — жаба выплюнула воздух, корова снова дала молоко белое, только телёнок остался при трёх тенях — для красоты.

Подивились мужики, но не ушли. Тогда Лера сотворил на их глазах **огонь-цветок**: хлопнул в ладоши, вымолвил «Гори-ясно», и в воздухе расцвело пламя узорчатое, рук не жгущее, а свет дающее. Сказал:

— Я не враг вам. Я — системный администратор вашей судьбы.

Бабка Злыдня перекрестилась слева направо (специально, чтоб силу убавить) и прошамкала:

— А меч-кладенец у тя есть? Без меча какой колдун?

И тут Лера призадумался.

Глава третья, про меч-кладенец и волшебный лес, где деревья шепчут мат

Пошёл Лера в ночь полнолунную. Взял «Громник», фонарик с Земли (который не гас, чем бесов изумлял), и ступил в **Лес Мёртвых Дум**. Описание сему лесу — отдельным стихом.

Там берёзы растут корнями в небо, а кронами в землю. Там осины дрожат не от ветра, а от того, что помнят своё имя человеческое. Грибы светятся тихим ужасом, тропинка вьётся, как врун на допросе. Воздух густой, как кисель прошлогодний, и в нём плавают мелкие искры — то стихийные духи-пересмешники. Шёпот стоит: «Вернись, Лера», «Напиши документацию», «Ты забыл выключить утюг». А один голос, самый вредный, явно лешего: «Эй, программист, а слабо рекурсию в реальности запустить?»

Лера и запустил. На зло.

Раскрыл книгу на странице «Зов Кладденца», дунул в три стороны, топнул ногой в кроссовке — и земля разверзлась. Из-под корня дуба, что спал тысячу лет, вылетел меч. Да не простой — **кладенец**. Сталь с волнами, на рукояти надпись древними буквами: «Не фигу себе». Меч сам рубит, сам щит выбирает, сам в ножны просится, если дело правое. Лера схватил — а меч запел тонко, узнал в нём не воина, но чародея. И согласился служить: рубить не плоть, а порчу, сглаз, кривые заклятья и особенно духа инерции, что засел в деревне.

Глава четвёртая, о битве с Морокком Болотным и слава Лере-колдуну

Приползла к Заозерью туча не простая — Морок Болотный. Дух, что листья с деревьев не срывает, а высасывает из них радость. От него порча на урожай, лень на мужиков, на баб — сварливость злая, на девок — слёзы в подушку.

Вышел Лера на окраину. В одной руке меч-кладенец, в другой — «Громник». За плечами — молнии собранные из сухих гроз. Крикнул:

— Эй, Морок! Ты чей такой? Кто тебя деплоил?

Морок взвыл, обернулся сотней комариных морд. Пустил в Леру **шепотную порчу**: «Ты чужой здесь. Ты никто. У тебя сроки горят». Но Лера — землянин, его таким не прошибёшь. Мечом черкнул — порча о камень рассыпалась битым стеклом. Книгой хлопнул — вышел **Стихийный Вихрь**, град, молния, ветер, плюс немного яблочного спайса (от себя добавил). Морок заскулил, побежал к болоту, да Лера его за хвост — стихийным заклинанием «Укорот». И свёл тварь на нет, словно ненужную строчку из кода.

Деревня ахнула. Вдова Матрёна принесла ему пирог с курицей и поклон. Староста отдал дочку замуж за кузнеца (не за Леру, но Лера и не просил). А колдуна Леру с той поры стали звать **Лерий Светлый Код**.

Эпилог, пушкинской строкой, да гоголевским смехом

Сидит Лера на завалинке, гладит меч-кладенец (тот мурлычет, как кот), книгу «Громник» на коленях держит. Вокруг — волшебный лес шумит, но уже добрыми шепотами: «ай да Лера», «спасибо тебе». Небо седой Вязи сияет двумя лунами, травы светятся тихим синим светом.

Мужик подходит, чешет в затылке:

— Слышь, колдун. А правду бают, ты с Земли, где вместо духов — лампочки, а болезни лечат пилюлями?

Лера вздыхает, меч в ножны кладёт, поправляет шапку-невидимку (спёр у лешего для прикола).

— Правда, — говорит. — И знаешь что? Там тоже чародеи есть. Только их программистами зовут. И порча у них багом называется. И меч-кладенец — это просто дедлайн.

Мужик крикнул, осенил себя кукишем (от сглаза) и ушёл в избу.

А Лера поднял глаза на луны, усмехнулся и молвил себе под нос:

— Вот тебе, землянин, и Remote Desktop на другую планету. Только саппорт не вызывать. И затих лес, заснула деревня. Только «Громник» сам листал свои страницы и тихонько хихикал.

Конец, а чудеса только начались.

Продолжение сказания о Лере-чародее, или Как кикимора чуть не утопила попаданца

Глава пятая, о реке Серебряной Змее, где вода поёт, а дно помнит грехи

За деревней Заозёрье текла река — не простая, а Серебряная Змея. Днём она искрилась, как купеческий ожерелье, а к ночи темнела, становилась глубока и тиха, словно затаилась. Вода в ней была студёная, но не зябкая — будто сама земля дышала через неё. На дне, говорили, лежали камни-обманки: возмёмшь — а они лёгкие, как сухие кости. А где перекат — там русалки водят хороводы, только не всякому глазу видимые.

Лера к реке приунылся ходить по утрам, умываться да книгу над водой раскрывать — «Громник» от влаги не портился, а, напротив, шуршал страницами довольно, словно кот на печи. Заметил он, что в тихих омутах слова заклинаний сами складываются в рифму, а на быстрине — в скороговорку, как заговор от икоты.

— Хорошая река, — говорил Лера, зачерпывая ладонью воду. — Только интернета нет. А так — красота.

И не знал он, что река его слышит и уже точит на него обиду, потому как слова про «интернет» для Серебряной Змеи были хуже ругательства.

Однажды, на закате, когда луны только-только выглянули из-за туч, Лера сидел на коряге, задумчиво мешал в котелке зелье от лени (огородная магия — дело тонкое). Вдруг из реки — плеск! Да не рыбный, а с прибаутками. Вода взвилась столбом, свернулась в жгут, а из того жгута высунулась башка зелёная, волосьями тинистыми трясёт, глаза — два болотных огня.

— Здорово, залётный, — молвила кикимора голосом, похожим на скрип качелей. — А не боишься один на моём берегу сидеть? Я, знаешь ли, щекотку люблю. До смерти.

Глава шестая, о нападении кикиморы, щекотке и мече-кладенецном отпоре

Кикимора, надобно сказать, была собой неказиста: кожа — кора берёзовая, на локтях — мох седой, пальцы длинные, на концах — крохотные колокольчики из ракушек. Это чтобы враг слышал её приближение, но не знал, с какой стороны.

— Чего тебе, водная? — спросил Лера спокойно, потому что на Земле он и не такое в техподдержке видел.

— А того, — запела кикимора, — что река наша терпеть не может чужаков. Ты тут воду мутишь заклятьями, руны пишешь на камушках — а мы, стихийные, спать не можем. Вот я тебя сейчас — цап! — за пятку. Да в омут. Да щекотать буду до тех пор, пока не признаешь, что бабушка Злыдня красивее всех на свете.

И бросилась!

Лера — не дурак. Меч-кладенец у него всегда под рукой (в левом сапоге, если точно). Выдернул, крикнул заклинание «Секи-Хвост!» — меч и сам рубанул воздух, да не по кикиморе, а по воде. Вода вскрикнула, расступилась, обнажив дно песчаное, а кикимора пролетела мимо, уткнулась носом в корягу и давай чертыхаться по-болотному.

— Ты чего дерешься? — обиделась она. — Я ж понарошку почти.

— А щекотка до смерти — это понарошку? — спросил Лера. — Вот тебе, кикимора, доброе слово. Не тронь меня, и я не трону твою реку. Я вообще против насилия. У меня, знаешь, Agile-подход.

Кикимора задумалась. Потом вытащила из уха комок тины, выжала и сказала:

— Лады, залётный. Только сделай мне ходку: в пещеру Ветряных Костей сходи. Там кристаллы Силы лежат, нам, речным, они нужны — воду от гнильцы чистить. А без них наша Серебряная Змея скоро в болото превратится. Сходишь — не трону. И русалка тебе поможет. Если, конечно, ты ей понравишься.

Лера вздохнул, поправил книгу, меч переложил в правый сапог и молвил:

— Веди, зелёная. Но без щекотки.

Глава седьмая, о пещере Ветряных Костей и кристаллах, что поют на все лады

Пещера находилась за лесом, под старым курганом, где даже лешие боялись показываться. Вход — как пасть щучья, узкая, склизкая, из неё тянуло холодом, который пах забы-

тыми молитвами. Лера зажёл огонёк на пальце (заклинание «Свет-батарейка» — сам придумал из ностальгии по фонарику телефона) и шагнул внутрь.

И тут открылось ему чудо!

Стены пещеры были не каменные, а из спрессованного времени. Капель со сводов падали не вниз, а вбок, и каждая капля, разбиваясь, рождала короткий звук — будто кто-то настраивал арфу. В глубине мерцали **кристаллы Силы**: синие, зелёные, один — огненно-красный, как рождественская игрушка, только с характером. Они висели в воздухе, не касаясь пола, и гудели каждый свою ноту. Вместе они пели хором, и мелодия была то грустная, как прощание с летом, то бодрая, как «В лесу родилась ёлочка», только на неизвестном языке.

— Ух ты, — сказал Лера. — Коллектив, однако.

Но не всё было сладко. Как только он протянул руку к синему кристаллу, из темноты вылетела тень — не то летучая мышь, не то сгусток древней обиды. Заверещала:

— Не тронь! Это наше! Мы — Хранители Пещеры! А ты кто такой в кроссовках?

Лера не растерялся. Раскрыл «Громник» на странице «Слово Умиротворения для Особо Озлобленных», прочитал шепотком, да не по-русски, а по-земляному, добавив от себя «чур меня, чур, и пупу твоему не болеть». Тень охнула, свернулась в клубок и уползла обратно в трещину, бормоча: «Программисты, они везде...»

Три кристалла Лера взял с собой. Синий — для чистоты воды, зелёный — для трав, а красный — так, на всякий случай, для красоты. Пещера вслед ему вздохнула и затихла.

Глава восьмая, о походе за травами в лес, где корни шепчут, а кусты кланяются

Следующим утром Лера отправился в **Лес Мёртвых Дум**, но не за чудесами, а за делом. Для зелья от сглаза нужны были три травы: **Разрыв-трава** (она же «Не-будь-как-все»), **Плакун-трава** (которая плачет только от искренней печали, а от притворной — молчит) и **Сон-быль** (половина стебля — сон, половина — явь, и ни один колдун не знает, где граница).

Лес встретил его настороженно. Деревья скрипели: «Опять ты, Лера. Опять с книгой. Опять мешаешь нам вековать». Лера кланялся на каждый скрип, говорил: «Здрасьте, здравствуйте, я по-быстрому», — и двигался дальше.

Разрыв-траву нашёл под корнем старой ели. Та сидела, как блохастая кошка, вырваться норовила, корнями дрыгала. Лера её — за лист! — а она как запоёт тонким голосом:

— Не бери! Я тебе не для зелий, я — для свободы! Если меня сорвёшь, целый день будешь хотеть уволиться с работы, которой у тебя нет!

— Так нет же работы, — удивился Лера.

— Вот и будешь хотеть уволиться с отсутствующей! — вредно ответила трава.

Пришлось Лере спеть ей колыбельную из «Громника». Трава расслабилась, уснула сама и дала себя сорвать.

Плакун-трава росла у ручья, где когда-то разбилась девка-самоубийца (легенда мрачная, но Лера детали уточнять не стал). Трава плакала, и слёзы её были горькие, как прошлогодний клюквенный морс. Лера не стал рвать — попросил:

— Отдай каплю, сестрица. Мне людей лечить, а не веселить.

Плакун-трава подняла на него мокрый листок, подумала и дала три капли в склянку — за то, что голос у Леры, по её словам, был «правильно-унылый».

Сон-быль нашли уже под вечер. Трава сидела на пенёчке и курила туман, как бабка трубку. Листья у неё были с одной стороны белые, с другой — чёрные. Лера сорвал три ветки, не глядя, за что Сон-быль назвала его «нахалом с Земли, но уважаемым».

Глава девятая, о встрече с русалкой Мавкой и любви, которой не случилось

Когда Лера возвращался к реке, уже смеркалось. На берегу, на плоском камне, сидела **русалка**. Настоящая. Не такая, как в мультиках, а как в сказаниях: бледная, с длинными волосами цвета осенней листвы, глаза — зелёные, как тина, но с искрами. Хвост — серебря-

ной чешуёй, переливался при лунах, и каждая чешуйка звенела по-своему, ну и остальное не меньше третьего размера.

— Здравствуй, Лера, — сказала она голосом, похожим на плеск в полночь. — Я — Мавка. Кикимора сказала, ты приходишь за кристаллами. Ты нашёл?

— Нашёл, — ответил Лера и сел рядом, на безопасном расстоянии (вдруг утянет). — Ты, говорят, помогать будешь.

Русалка засмеялась — и вода вокруг зацвела кувшинками.

— Помогу. Но сначала расскажи, что такое «интернет». И почему ты по нему плачешь по ночам.

Лера удивился, но рассказал. Про Google, про Яндекс, про мемы и про «скинь 50 рублей на телефон». Мавка слушала, иногда вздыхала, иногда хохотала, и смех её был не русалочий — почти человеческий.

— Странная у тебя земля, — сказала она наконец. — Там столько магии, а вы её назвали «связь». А теперь давай кристаллы.

Лера вынул синий кристалл. Мавка взяла его двумя пальцами, и в тот же миг река вздохнула глубже, вода стала прозрачной почти до дна, а из глубины выплыл старый сом с золотой серьгой и кивнул Лере как старому знакомому.

— Ты хороший, — сказала Мавка. — Может, останешься? Будешь у нас водяным. Интернет тебе на коленях построим, из ивовых прутьев.

Лера засмеялся, но в глазах его мелькнула грусть.

— Не могу, Мавка. Я на Землю хочу. Там отчёты, там дедлайны, там чай с печеньками в офисе. А здесь... здесь хорошо. Но не моё.

Русалка вздохнула, погладила свою серебряную чешую и сказала тихо:

— Тогда запомни, Лера. Если когда-нибудь захочешь вернуться — брось в реку красный кристалл. И скажи: «Мавка, я соскучился по воде». Я приду. Но если не придёшь — не обижусь.

Она нырнула, подняв фейерверк брызг, и исчезла в омуте, оставив на камне одну маленькую чешуйку — на память.

Лера взял чешуйку, положил за пазуху, рядом с книгой. Кикимора из камыша высунулась, показала язык (но беззлобно) и тоже ушла на дно.

А он пошёл в деревню. К котелку с зельем. К мечу в сапоге. К двум лунам над головой.

— Вот и сказка, — сказал Лера сам себе. — Вот и не сказка.

А звёзды на Седеющей Вязи загорались одна за другой, как индикаторы на старой панели сервера.

Конец второй части, а третья уже шепчет заклинание.

Сказание о Лере-чародее, или Как я ходил на Развалины Трёх Ключей и победил лича в своей кроссовке

Часть третья. От первого лица, от грозы до злата

Глава первая, в коей я проклинаяю день, когда не остался на печи

И вот что вам скажу, люди добрые и не очень: никогда не верьте кикиморе, которая говорит «сходи, это недалеко». Особенно когда она улыбается всеми тремя рядами зубов.

Ревела буря. Гром гремел так, что в избе у вдовы Матрёны сами собой плясали горшки на полках. На небе молнии блистали — одна за одной, словно кто-то наверху решил устроить новогодний салют в честь моей глупости. И непрерывно гром гремел, и в поле капли пролетали — такие тяжёлые, что каждую можно было за монету принять. Я стоял на пороге, сжимал в одной руке «Громник», в другой — меч-кладенец (в ножнах, но наготове), и думал: «Лера, зачем ты согласился? Ты ж программист, а не спецназ».

За спиной — деревня. Впереди — дорога к Развалинам Трёх Ключей. По слухам, там лежал древний артефакт — **Сердце Ветра**, без которого моя магия стихий была как телефон

без розетки. А по правде — там сидел **лич**, старый колдун, который при жизни был таким вредным, что даже смерть от него устала и ушла пить чай.

— Лера, — сказал мне внутренний голос (очень похожий на голос моего бывшего тим-лида), — ты уверен, что не хочешь откатить изменения?

— Откатить некуда, — ответил я и шагнул под дождь.

Глава вторая, о развалинах, где камни помнят моё имя (и ругаются)

Развалины встретили меня тишиной. Буря осталась снаружи — будто кто-то накрыл замок невидимым колпаком. Я стоял посреди двора, заросшего крапивой ростом с человека, и смотрел на стены, которые помнили ещё тех королей, что носили короны из желудей.

Замок назывался **Тройной Бастион**. В древности здесь сидел князь Громобой, который, по легендам, мог одной левой остановить дождь, а правой — запустить. Потом пришли враги, потом — время, потом — всякая нечисть. Остались только три башни, три подземных уровня и один очень злой лич в подарок.

Я достал «Громник». Книга сама раскрылась на странице «Осторожно, скелеты», а под текстом была приписка красными чернилами (явно кровавыми): «Не ходи, дурак».

— Спасибо за поддержку, — буркнул я и вошёл в первую башню.

Уровень первый. Костяной коридор и моя первая ошибка

Спуск в подземелье начался с лестницы, которая скрипела, как бабка Злыдня, когда у неё спрашивают про возраст. Я насчитал тридцать три ступени (число магическое, между прочим) и оказался в коридоре, где стены были сложены из... костей. Человеческих. И не просто сложены — каждая косточка лежала в строгом порядке, образуя узоры, похожие на заклинательные круги.

— Красиво, — сказал я, — но живодёрство.

И тут они зашевелились.

Из стен, из пола, из потолка — полезли **скелеты**. Не один, не два, а целая армия. У некоторых были мечи, у некоторых — луки, а у одного — корона на черепе, видимо, бывший начальник. Они не нападали сразу. Они просто стояли и смотрели пустыми глазницами. И молчали.

— Здравсьте, — поздоровался я. — Я по объявлению. Сердце Ветра забрать.

Скелет в короне сделал шаг вперёд и заскрежетал челюстью:

— Пароль.

— Какой пароль? — опешил я.

— А-а-а, — протянул скелет. — Нет пароля — нет прохода. Правила замка, глава 14, параграф 3.

Я выругался по-земному, потом полез в «Громник». Нашёл заклинание «Отмычка Вздоха» (открывает любые магические замки, но работает только если искренне вздохнуть о своей тяжёлой доле). Вздохнул. Скелеты закачались, застонали, и один из них — самый маленький — вдруг сказал:

— А я знаю! Пароль — «кикимора не права».

— Что?! — удивился я.

— Ну да, — ответил скелет. — Мы тут триста лет ждём, кто скажет правду. А правда в том, что кикимора всегда не права. Это секретный пароль, его никто не знал.

Скелет в короне растерянно щёлкнул позвонками и отступил. Коридор раздвинулся, открывая дверь на второй уровень.

— Спасибо, мелкий, — сказал я. — Будешь в Заозёрье — заходи, яблочным спайсом угощу.

Скелет помахал костяной рукой, и я пошёл дальше.

Уровень второй. Танцы с призраками и несгораемый плащ

Второй уровень оказался библиотекой. Без шуток. Огромный круглый зал, стены — от пола до потолка — уставлены книгами. Посередине висел **призрак**. Женщина в древнем платье, вся полупрозрачная, только глаза — две угольные точки.

— Ты пришёл за Сердцем? — спросила она голосом, похожим на шуршание осенних листьев.

— Пришёл, — ответил я.

— Тогда поиграем со мной. Я задаю загадки. Если отвечаешь — идёшь дальше. Если нет — остаёшься здесь, читать книги до конца времён.

Я посмотрел на книги. Там были такие названия: «Сборник болотных налогов за 481 год», «Правила поведения на похоронах (с иллюстрациями)», «1001 способ засолить лягушку». Ужас.

— Давай свои загадки, — сказал я.

Призрак улыбнулась и начала:

— Что не имеет веса, но может согнуть сталь, не имеет цвета, но может окрасить жизнь, не имеет формы, но может убить одним прикосновением?

Я подумал. В голову лезли варианты: «дедлайн», «отчёт в налоговую», «просроченный кредит». Но потом вспомнил — это же магический мир!

— Слово, — сказал я. — Злое слово.

Призрак вздохнула с уважением:

— Умён. Вторая: Что растёт вниз головой, поёт без голоса и умирает трижды?

— Корень мандрагоры, — выпалил я, потому что в «Громнике» об этом было написано. — Он растёт корнями вверх, поёт ультразвуком, а трижды умирает — когда его вырывают, когда сушат и когда варят.

Призрак захлопала в ладоши — бесшумно, но эффектно.

— Последняя, самая трудная: Как назвать колдуна с Земли, который боится пауков, но идёт в подземелье к личу?

Я засмеялся.

— Герой? — спросил я.

— Нет, — ответил призрак. — Дурак. Но герой — тоже подойдёт. Проходи, Лера. И возьми это.

Она протянула мне **плащ из паутины**, который не горел в огне и не промокал в воде. Я накинул его поверх куртки (кроссовки, кстати, промокли всё равно) и двинулся на третий уровень.

Уровень третий. Лич, его трон и моё самое сильное заклинание

Третий уровень был тронным залом. Только вместо короля там сидел **лич** — высохший труп в чёрной мантии, с короной, вросшей в череп. Глаза у него горели синим огнём, пальцы — длинные, как у пианиста, который играл на нервах живых.

— А-а-а, — проскрежетал лич. — Лера. Программист с Земли. Я ждал тебя. Твоя магия — копия моей, только в кроссовках.

— Приятно познакомиться, — сказал я, сжимая меч-кладенец. — Ты Сердце Ветра отдашь по-хорошему или как?

Лич засмеялся. От его смеха со стен посыпалась штукатурка, а с потолка — три скелета, которые мирно пили чай до этого.

— По-хорошему — никогда, — ответил он. — Забирай силой, если сможешь. Но сначала пройдёшь три испытания.

— Я уже три уровня прошёл! — возмущился я.

— А это три под-испытания, — уточнил лич. — Правила замка, глава 1, параграф 1: «Лич всегда прав».

Я вздохнул.

Под-испытание первое: огонь. Лич взмахнул рукой — и вокруг меня вспыхнул круг из синего пламени. Жара — как в серверной в июле. Но я накинул плащ из паутины, шагнул сквозь огонь и не сгорел. Только кроссовки немного оплавилась, но это переживём.

Под-испытание второе: лёд. Лич дунул — и пол покрылся льдом. Скользко, холодно, зуб на зуб не попадает. Я достал красный кристалл (тот самый, из пещеры), бросил под ноги и крикнул: «Грей!» Кристалл взорвался теплом, лёд растаял, превратившись в пар. Лич зашипел.

Под-испытание третье: тьма. Лич погасил все огни. Стало темно, хоть глаз выколи. Я слышал его шёпот: «Ты один, Лера. Ты ничтожество. Ты даже дедлайн не умеешь соблюдать». А я вспомнил, что в «Громнике» есть заклинание «Свет-батарейка», только усиленное в сто раз. Я раскрыл книгу, нашёл страницу, прочитал:

— **Свет мой, зеркальце, скажи** — тьма, иди ты куда подальше!

И засияло! Как десять солнц! Как пять тысяч мониторов в офисном центре! Лич заверещал, закрылся руками, рассыпался на пыль, и только корона его звякнула об пол, да **Сердце Ветра** — большой синий шар, пульсирующий, как живой — повисло в воздухе.

Глава третья, о богатой добыче и о том, как я чуть не остался в подземелье

Когда лич рассыпался, подземелье загудело, застонало, но не рухнуло — наоборот, открылись тайные сундуки, которые прятались за тронем. Я открыл первый — там были **золотые монеты** с изображением лягушки (местная валюта, ничего так). Второй сундук — **кувшин с живой водой** (для ран и для похмелья, как сказано в инструкции). Третий — **перстень невидимости**, но не полный, а только для левой ноги. Четвёртый — а четвёртый был пуст, только записка: «Извини, клад уже украли. С уважением, гномы».

— Вот жук, — сказал я про лича. — Даже после смерти подставил.

Сердце Ветра я спрятал за пазуху. Книгу — в рюкзак. Монеты — в карманы. Перстень надел на левый мизинец — теперь левая нога у меня стала почти невидимой, что выглядело глупо, но забавно.

На выходе из подземелья меня встретил тот самый маленький скелет.

— Ну как? — спросил он.

— Лич готов, — ответил я. — Сердце — моё. Добыча — богатая. Только кроссовки жалко.

Скелет протянул мне костяную руку, я пожал её (холодно, но приятно).

— Возьми, — сказал он и дал мне **амулет из мышинного хвоста**. — От сглаза. И от начальников. И от того, чтобы не забывать пить воду.

Я поблагодарил, вышел на поверхность.

Буря уже кончилась. Две луны висели в чистом небе, звёзды сияли, как индикаторы на роутере. Я посмотрел на Заозёрье — из труб шёл дым, кто-то играл на балалайке, кто-то ругался с лешим.

— Ну вот, — сказал я сам себе. — Программист, маг, покоритель подземелий. А отчёт всё равно не написан.

Я улыбнулся, подмигнул маленькому скелету (он махнул в ответ) и пошёл домой. Пить чай. С живой водой. И думать, как теперь жить с Сердцем Ветра, перстнем для левой ноги и без лича — который, кстати, обещал вернуться через сто лет.

— Сто лет — не срок, — сказал я. — Успею ещё один курс по магии пройти.

И скрылся за поворотом, в сторону деревни, где меня ждала бабка Злыдня с пирогами и новыми проклятьями.

Конец третьей части, а четвёртая уже стучится в дверь костяным пальцем.

Сказание о Лере-чародее, или Как я полюбил деревню, встретил коня-говоруна и чуть не уснул до смерти

Часть четвёртая. От печали до трактира, через разбойников и полудницу

Глава первая, о раздумьях утренних и о том, что печь — лучший друг колдуна

Деревня Заозёрье — место, знаете ли, странное. С одной стороны, здесь тебя могут проклясть за то, что неправильно повесил рушник. С другой — накормят пирогами так, что зашипит даже меч-кладенец, и спросят: «Ты чего такой худой, Лера? Земля ваша, что ли, не кормит?»

И вот сижу я на завалинке у бабки Злыдни (не по своей воле, она сама усадила, силком, с приговором «посиди, мол, тихо, а то призраков накличешь»). Две луны уже побледнели, заря занимается — одна, не как на Земле, а розовая с зеленцой, будто небо кто-то покрасил акварелью неумелой рукой. Петухи орут в три горла, причём один явно фальшивит — его соседи уже закидали гнилыми яблоками. И я думаю.

Думаю я вот о чём: оставаться ли в этой деревне навсегда?

Вроде бы, хорошо. Тишина (если не считать лешего, который по ночам стучит в ставни и требует «поделиться вайфаем»). Воздух — густой, как парное молоко. Река Серебряная Змея рядом — умыться, с русалкой поболтать, кикиморе показать кукиш (она теперь меня боится, потому что я ей раз сказал: «Ещё раз тронешь — в суд подам», а она не знает, что такое суд, но звучит угрожающе). В лесу травы магические — хоть копной собирай. В пещере кристаллы — хоть ожерелье делай. Лича победил, скелеты теперь в друзьях ходят, даже маленький костяной иногда забегает чай пить (правда, чай сквозь него проливается, но он не жалуется).

И вдруг меня осеняет грустная мысль, такая грустная, что даже курица мимо пробежавшая замерла и посмотрела на меня с сочувствием. А мысль вот такая: скучно мне.

Понимаете? Магия магией, а душа требует. Не просто пирогов и разговоров с русалкой, а — шума, гама, сплетен свежих, рынка, товаров заморских, трактира, где нальют чего погорячее и спросят «с кем имею честь». Деревня — это хорошо, но деревня — это как бета-версия жизни. А хочется финальный релиз.

— Лера, — скрипит из окна бабка Злыдня. — Чего расселся? Али в город захотел?

Я вздрагиваю. Она что, мысли читает? Ах да, это же бабка Злыдня. Она и не такое может.

— Хочу, — говорю. — В ближайший. Как он называется-то?

— **Светлоград на Ветреной реке.** Туда три дня ходу, если пешком, и полдня, если на лихом коне. Только коня у тебя нет, — ехидно добавляет она. — А в кроссовках своих ты далеко не уйдёшь. Там, поди, разбойники, да полудницы, да всякая лихая сила.

Я молчу. Потом встаю, отряхиваюсь, глажу «Громник» (книга довольно урчит), проверяю меч в левом сапоге, красный кристалл — в правом кармане, синий — в левом, зелёный — за пазухой, перстень невидимости для левой ноги — на месте.

— А конь, бабка, сам меня найдёт, — говорю я. — Или я его.

Бабка Злыдня крестится (снова слева направо, из вредности), плюёт через левое плечо и швыряет мне вслед узелок с пирогами.

— Иди уж, горе луковое, — ворчит. — Только вернись. А то без тебя леший ставни отобьёт.

Глава вторая, о дороге в Светлоград, где лес шепчет, а совесть молчит

Дорога из Заозёрья в Светлоград — это вам не «Ленинградское шоссе». Это тропа, которая вьётся, как пьяный леший, то в гору, то в болото, то прямо через кладбище старых желаний (там табличка висит: «Осторожно, сбываются неправильно»). Иду я по ней, пирог с курицей в одной руке, «Громник» — в другой, читаю заклинание от усталости ног.

— Скоро, ножки, скоро, — приговариваю. — Ещё два дня — и буду в городе, в тёплом трактире.

И тут за поворотом — лес. Не наш, Заозёрский, а чужой. Там деревья стоят молча, но не потому, что добрые, а потому, что выжидают. Там кусты шевелятся без ветра, а трава кланяется не солнцу, а чему-то невидимому, что живёт под землёй. Я чувствую спиной — смотрят. Много кто смотрит. Волки, может быть. Или лешие помоложе. Или просто духи дорожные, которые берут плату за проход: у кого монету, у кого — воспоминание, у кого — имя.

Моё имя, кстати, они уже знают. Леший из Заозёрья, видимо, разослал циркуляр.

День клонится к вечеру. Первая луна уже вылезла, вторая прячется за тучей. Я решаю заночевать у старого дуба, который, судя по морде на коре, явно не против компании.

— Здравствуй, дед, — говорю дубу. — Можно переночевать?

Дуб молчит. Потом роняет жёлудь мне на голову.

— Можно, — хрипит. — Только не храпи. Мне корни спать мешают.

Я укладываюсь, подкладываю плащ из паутины под голову, меч — рядом. «Громник» сам раскрывается на странице «Сны вещие и не очень», но я закрываю его — не хочу видеть будущее. И так страшно.

Глава третья, о нападении разбойников и их удивлении

Под утро меня будят голоса. Не нежные, не птичьи, а такие, от которых хочется не проспать, а притвориться бревном.

— Гляди, дядька Кузьма, — шепчет один. — Человек лежит. Один. Без охраны. Без даже сторожа.

— А ты глянь, какие у него кроссовки, — отвечает бас. — С такими кроссовками только дураки ходят без охраны. Значит, либо дурак, либо колдун.

— А кого нам бояться, дядька Кузьма?

— Молчи, Петруха. Сейчас проверим.

Я открываю один глаз. Вокруг меня — пятеро. Бородатые, рожи кирпичом, в руках — дубины, ножи, один даже с вилами. Типичные разбойники, каких в книжках рисуют. У главного — дядьки Кузьмы — на голове шапка из лисы, которая, кажется, ещё жива и недовольна.

— Здорово, путник, — говорит Кузьма. — Жизнь — она такая. Но кошелек — дороже. Давай монеты — и иди себе с миром. А не дашь — с того света будешь провайдера вызывать.

Я встаю, отряхиваюсь, поправляю перстень невидимости на левой ноге (левая нога исчезает — разбойники ахают).

— Монет у меня немного, — говорю спокойно. — Но есть кое-что другое. Хотите — покажу?

— Что? — осторожно спрашивает Петруха.

Я достаю красный кристалл. Шепчу заклинание «Грей-но-не-жги». Кристалл вспыхивает тёплым светом, вокруг меня загорается маленькое пламя, которое танцует, как диско-шар. Разбойники отступают на шаг. Потом Кузьма берёт дубину, замахивается — а я щёлкаю заклинанием «Скользкий след». Под ногами у разбойников появляется лёд. Они падают — все пятеро, как кегли, с матом и звоном.

— Вы чего, — говорю я, — не знаете, что колдунов не трогают? Это ж невыгодно.

Кузьма лежит на спине, лисица на его шапке из последних сил пытается укусить его за ухо.

— Не трогали б, — стонет он. — Кабы знать.

— А кто ж виноват, что не знали? — вздыхаю я. — Ладно, прощаю. Только запомните: Лера из Заозёрья. Если ещё раз нападёте — превращу в жаворонков. И будете петь по утрам у бабки Злыдни под окнами.

Разбойники встают, отряхиваются, кланяются (кто в пояс, кто в землю) и убегают в лес, оставив мне в подарок узелок с краденым добром — там, кстати, оказался серебряный гребень и три золотых монеты.

— Хороший день, — говорю я сам себе и продолжаю путь.

Глава четвёртая, о волшебном коне, который слишком много говорит

Через час ходу я выхожу на поляну. И вижу коня. Не простого — волшебного. Грива — лунного света, хвост — туманный, копыта — как из чистого серебра, а глаза — умные, даже слишком. Конь щиплет траву, но не так, как обычные лошади — а аккуратно, выбирая только те стебельки, которые успели прошептать ему комплимент.

— Здравствуй, — говорю я.

Конь поднимает голову, смотрит на меня долгим взглядом и отвечает:

— Здравствуй, Лера. А я тебя ждал.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— А ты глянь на мою подкову, — говорит конь и поднимает ногу.

На подкове выгравировано: «Лере от бабки Злыдни. Не помрёшь — передай поклон».

— Это она тебя послала? — удивляюсь я.

— Она, — вздыхает конь. — Сказала: «Помоги этому разгильдяю добраться до города, а то он на своих двоих полгода будет топтать». Так что садись, колдун. Только без фокусов. Я конь образованный, боюсь щекотки.

Я сажусь. Конь мягок, как облако, и быстр — не то что мои кроссовки. Зовут его, как выяснилось, **Шепот**. Потому что он говорит всегда шёпотом, даже когда ругается.

— И долго нам скакать? — спрашиваю я.

— До полудня домчим, — шепчет конь. — Только ты смотри, после полудня — ни-ни.

Полудница выходит.

И шепчет эту фразу так, что у меня мурашки по спине.

Глава пятая, о встрече с Полудницей, которая чуть не усыпила меня навеки

Полудница — это, скажу я вам, не бабка с косой. Это девушка. Красивая, бледная, в белом платье, с глазами цвета полуденного неба — такими синими, что больно смотреть. Она сидит на камне посреди поля и вяжет бесконечный шарф — ниткам конца нет, и конца, кажется, не будет.

Конь Шепот останавливается за сто шагов.

— Дальше я не пойду, — шепчет он. — Она коней не трогает, а тебя может... усыпить.

— Чем же она опасна? — спрашиваю я, хотя уже догадываюсь.

— Она говорит тихо, — отвечает конь. — Очень тихо. О самом приятном. О доме. О тепле. О том, как хорошо закрыть глаза и ничего не делать. А если ты слушаешь дольше трёх минут — засыпаешь навеки. И снится тебе, что ты уже дома, и всё хорошо. А на самом деле ты уже мёртв.

Я слезаю с коня, сжимаю «Громник» и иду к полуднице. Она поднимает на меня глаза — и улыбается.

— Здравствуй, Лера, — говорит она голосом, похожим на мамино. — Ты устал с дороги. Присядь. Отдохни.

И начинает говорить. О завалинке в Заозёрье. О пирогах с курицей. О том, как хорошо спать, когда за окном дождь. О том, что все эти приключения — суета, а главное — покой.

Веки мои тяжелеют. Меч из рук выпадает. Книга тихо плачет.

— Поспи, — шепчет полудница. — Всего минуточку...

Но тут я вспоминаю — «Громник»! Я раскрываю его, не глядя, наугад. Палец попадает на заклинание «Звон Полдня». Я выкрикиваю его, срывая горло:

— **ТИШИНА, ПРЕКРАТИСЬ!**

Из книги вырывается звон — как тысяча колоколов, как будильник в понедельник утром, как голос начальника: «Срочно апдейт!». Полудница взвизгивает, её шарф разматывается и улетает в небо, а она сама рассыпается в пыль — только на минуту, но этого хватает.

Я сажусь на землю, тяжело дыша.

— Ты как? — шепчет конь из-за спины.

— Живой, — говорю. — Но больше никогда не буду слушать красивых девушек в поле.

Конь ржёт — но одобрительно.

Глава шестая, о прибытии в Светлоград и трактире «Ухомедведь»

К вечеру мы въезжаем в **Светлоград**. Город не сказать, чтобы огромный — но по сравнению с Заозерьем — столица. Дома каменные, на крышах флюгера в виде драконов, улицы

мощёные, пахнет пирогами, сеном и чем-то очень сладким — кажется, это варят местное варенье из шишек. Народ смотрит на меня с удивлением: то ли из-за кроссовок, то ли из-за коня с серебряными копытами, то ли из-за того, что я живой и с мечом.

— Прощай, Лера, — шепчет конь. — Если буду нужен — свистни. Я услышу.

— А как свистнуть так, чтобы конь услышал?

— А ты книгу свою открой. Там заклинание есть «Зов четвероногого». — И конь исчезает в сумерках, оставив на мостовой один серебряный волосок.

Я захожу в трактир «Ухомедведь» (над дверью висит медвежье ухо, которое, говорят, когда-то принадлежало колдуну, превратившемуся в медведя и пожалевшему об этом). Внутри тепло, горит камин, пахнет жареным мясом и мёдом. Хозяин — толстый мужик с усами, как помело — кивает мне.

— Проходи, путник. Ямщику — водки, колдуну — комнату наверху, разбойнику — отдельный стол у выхода. Ты кто?

— Колдун, — говорю я, садясь за свободный стол. — Лера из Заозёрья. Мне комнату и ужин.

— А платить чем?

Я выкладываю три золотых монеты (те самые, разбойничьи) и серебряный гребень.

— Ого, — говорит хозяин. — Дорогой товар. Гребень, поди, русалочий?

— Не знаю, — вру я. — Нашёл.

Хозяин уносит гребень, возвращается с кружкой горячего сбитня и тарелкой пельменей — таких огромных, что каждый размером с кулак. Я ем, пью, смотрю на огонь и думаю:

— Вот она, жизнь. Деревня, лес, разбойники, полудница, конь-говорун. А я — всё тот же Лера. Только с мечом и книгой. И перстнем на левой ноге.

За соседним столом кто-то поёт песню — грустную, про любовь и магию. Я слушаю, улыбаюсь и засыпаю прямо за столом. Хозяин накрывает меня пледом и шепчет: «Спи, колдун. Завтра в город пойдёшь. Там тебя ждут — не дождутся...»

— Что? — спрашиваю я спросонья.

Но хозяин уже ушёл.

А я засыпаю с мыслью: «Интересно, кто меня там ждёт? Надеюсь, не ещё один лич».

Конец четвёртой части, а пятая уже шепчет заклинание в самое ухо.

Сказание о Лере-чародее, или Как я купил кота в мешке, победил дворянина и пошёл в ученики

Часть пятая. От базарного шума до подземельной тишины

Глава первая, о лавке, где всё врёт, кроме цен

Утро в Светлограде оказалось шумным, ярким и пахло так, что у меня закружилась голова — точнее, желудок. Потому что с улицы тянуло свежими калачами, жареным поросёнком и чем-то таким сладким, что даже мёд отдыхает.

Я спустился из своей комнаты в трактире «Ухомедведь», бросил хозяину ещё одну монету (разбойничье золото оказалось добротным, хотя и с привкусом чужих слёз) и вышел на базарную площадь.

Базар в Светлограде — это вам не рынок в Заозёрье, где бабка Злыдня продаёт сушёных лягушек и шепчет проклятья в придачу. Здесь всё встало в ряды: мясные лавки, рыбные (где рыба ещё шевелилась и просила отправить её обратно в реку), лавки с травами, с амулетами, с кристаллами (фальшивыми, между прочим, я сразу определил — зелёный кристалл не должен пахнуть краской). И среди всей этой суеты — **волшебная лавка.**

Вывеска: «**Чудеса дешево. Колдунам скидка. Чернокнижникам вход воспрещён (даже если вы очень просите)**».

— Зайду, — сказал я себе.

Внутри было тесно, темно и пахло пылью веков. Хозяин — маленький старичок с бородой до колен и с очками, через которые он смотрел в четыре стороны одновременно — сидел за прилавком и чинил сломанную волшебную палочку.

— Чего изволишь, странник? — спросил он, не поднимая головы. — Есть у меня зелье от сглаза, настоящая жаба в банке (с гарантией) и мантия, которая делает голос громче. Для начальников.

— Мне бы что-нибудь для борьбы с нечистью в подземельях, — сказал я, вспомнив городские слухи. — Говорят, под Светлоградом старые катакомбы, и оттуда лезет всякая дрянь.

Старичок поднял голову, посмотрел на меня поверх очков и усмехнулся.

— А, так ты тот самый Лера из Заозёрья. Слухи о тебе уже долетели. Болтают, ты лича победил. Так?

— Было дело, — скромно ответил я.

— Тогда тебе не зелье нужно, — старичок полез под прилавок и вытащил **кота**. Живого, чёрного, с зелёными глазами и с медалью на шее. Кот посмотрел на меня, зевнул и сказал:

— Привет, программист. Я **Барсик**. Вижу баги там, где другие видят судьбу. Возьми меня. Я из лавки всё равно сбегу, так хоть с тобой интереснее.

Я взял кота. Кот был тёплый, тяжёлый и пах мятой.

— Сколько? — спросил я у старика.

— Бесплатно, — ответил тот. — Кот сам тебя выбрал. А мне его кормить дороже.

Так у меня появился магический кот-говорун. Или, как я его назвал, «анализатор нечистот на четырёх лапах».

Глава вторая, о базаре, где купил всё и ничего

С котом на плече (Барсик устроился там как на троне) я пошёл гулять по базару. Крики, гам, торговцы тянут руки, хватают за рукава, предлагают товар:

— Вот, барин, гребень для русалок! Подлинный!

— А вот — сапоги-скороходы! Только левый убегает постоянно, но это лечится!

— Кому яйца петуха трёхцветного? Самые счастливые!

Барсик шептал мне в ухо:

— Всё враньё, Лера. Гребень — подделка, сапоги — левые (в прямом смысле), яйца — крашенные гуашью.

— Ты откуда знаешь? — спросил я.

— Кот, — ответил Барсик. — Мы чувствуем обман. Запах страха и жадности.

Я купил только одно — **флягу с живой водой** (проверил: капнул на засохший цветок, цветок расцвёл и попросил пощады) и **мешочек с солью** — обычной, но, как объяснил торговец, «против всякой нежити лучше соли нет».

Уже хотел уходить — и тут налетел.

Глава третья, о нахальном дворянине и ссоре, которая закончилась хорошо (не для него)

— Эй, ты, в кроссовках! — раздалось за спиной.

Я обернулся. Передо мной стоял молодой человек в камзоле с золотыми пуговицами, с причёской, похожей на воронье гнездо, и с лицом, которое явно никогда не знало тяжёлого труда и умывания холодной водой.

— Дворянин **Феофан Третий**, — представился он, ткнув себя пальцем в грудь. — Наследник земель, владелец трёх деревень и одного болота. Ты, говорят, колдун? Так вот, колдун — сядь. Не тебе с нами рядом стоять.

Я посмотрел на Барсика. Кот прищурился.

— С чего такая честь, Феофан? — спросил я спокойно.

— А с того, — он шагнул вперёд, — что дворяне — высшая каста. А ты, поди, из мужиков. Колдуй там в своей деревне, а в городе будь добр — шапку ломай и кланяйся в три погибели.

Народ вокруг замолк. На базаре наступила тишина, даже куры перестали кудахтать.

Я медленно снял кота с плеча, поставил на прилавок, поправил меч в левом сапоге и сказал:

— Феофан, у меня к тебе два вопроса. Первый: ты кто по образованию? Второй: ты вообще видел когда-нибудь живого лича?

— Не твоего ума дело! — заорал дворянин и выхватил шпагу. — Защищайся, колдунишка, или я тебя в солдаты запишу!

Барсик зевнул и шепнул:

— Лера, не убивай. Только унизь. Будет веселее.

Я вздохнул. Достал из кармана синий кристалл, шепнул «Скользкий», кинул под ноги Феофану. Под ним образовалась лужица льда. Дворянин взмахнул шпагой, поехал, закричал и — шлёп! — носом в грязь. Шпага отлетела в сторону и вонзилась в арбуз. Арбуз взвизгнул (он оказался волшебным, заколдованным на крик).

— Ах ты! — заревел Феофан, вставая весь перемазанный. — Да я тебя...

— Ах ты? — перебил я. — Ты, Феофан, лучше с нечистью силой померяйся, а не с программистом из кроссовках. Я лича валил, а ты — навоз вонючий. Иди отсюда, пока я не превратил тебя в жаворонка. Кот, покажи ему, что бывает с нахальными.

Барсик выгнул спину, зашипел, и шерсть его засветилась зелёным. Феофан побелел, подхватил шпагу и убежал, крича на бегу:

— Я тебя ещё достану! Я жаловаться буду!

— Кому? — крикнул я вслед.

— Городскому колдуну! — донеслось уже издалека.

Торговцы заплодировали. Барсик прыгнул ко мне на плечо, довольно урча.

— Хорошая драка, Лера, — сказал кот. — Мягко, без убийств. Похвально.

Глава четвёртая, о встрече с сильным колдуном и неожиданном предложении

Вечером того же дня, когда я сидел в трактире и учил Барсика пить сбитень (он отказывался, говорил «я кот, мне молоко подавай»), в дверь вошёл маг.

Я сразу понял, что он маг, потому что он был одет в синюю мантию с золотыми звёздами, в руках держал посох, а борода у него была такой длины, что он её наматывал на пояс, чтобы не наступать.

— Лера из Заозёрья? — спросил он густым басом.

— Допустим, — ответил я, пряча Барсика за пазуху (кот возмущённо зашипел).

— Меня зовут **Велиар Седьмой**, главный городской колдун Светлограда, глава Гильдии Чародеев, хранитель Печати Ветра и просто хороший человек. До меня дошёл слух, что ты... — он поморщился, как будто жевал лимон, — унизил дворянина Феофана. За что тебе спасибо. Этот болван уже всех достал. Но также до меня дошёл слух, что ты победил лича и нашёл Сердце Ветра.

— Правда, — сказал я.

Велиар подошёл к столу, сел напротив, положил посох на колени и уставился на меня тяжёлым, пронизывающим взглядом.

— Лера, я стар. Мне двести лет. И мне нужен ученик. Не такой, как эти балбесы из Гильдии, которые думают, что магия — это фейерверки на свадьбах. Мне нужен тот, кто не боится подземелий, личей, кикимор и... кроссовок.

— А что, кроссовки это проблема? — спросил я.

— Нет, — усмехнулся маг. — Скорее, стиль. Итак, я предлагаю тебе: я научу тебя настоящей магии. Силе стихий, управлению временем, а главное — тому, как очищать подземелья так, чтобы ни одна тварь не осталась в живых. За это я заплачу. Хорошо заплачу.

— А что за подземелья? — спросил я, уже чувствуя подвох.

Велиар вздохнул и понизил голос:

— Под Светлоградом — три подземных уровня. Первый — крысы-оборотни. Второй — призраки с топорами. Третий — нежить древняя, которую никто не чистил лет сто. И, честно говоря, мне лень туда самому идти. У меня радикулит.

— А сколько заплатите? — спросил я.

— Пять золотых слитков. И артефакт на выбор из моей сокровищницы.

Я посмотрел на Барсика. Кот кивнул.

— Согласен, — сказал я.

Глава пятая, об учёбе у Велиара и росте колдовской силы

Учёба началась на следующий день. Велиар оказался строгим, но справедливым учителем. Он говорил так:

— Магия, Лера, это не «книжку открыл — и всё сторело». Магия — это воля и расчёт. Как твой... как ты говоришь... программирование.

Он учил меня:

— **Точности заклинаний.** Ошибка на одну букву — и вместо «Защитный купол» может получиться «Жареный гусь». Я проверял. Неприятно.

— **Экономии силы.** Не трать кристалл на муху, если муху можно прихлопнуть газетой.

— **Уважению к противнику.** Даже крыса-оборотень заслуживает быстрой и безболезненной смерти. Или, наоборот, медленной и публичной — если она нахамила.

За три дня я выучил:

— **«Молния малая»** — точечный разряд, убивает мелкую нечисть и поджаривает яичницу.

— **«Щит Ветра»** — невидимая стена, которая отражает стрелы, огонь и грубые слова.

— **«Зов Земли»** — заклинание, поднимающее из-под земли корни и камни, чтобы связать врага.

— И главное — **«Взгляд Истины»** — вижу любую магическую ловушку, подделку или обман. Даже если кот врёт про съеденную сметану.

Кот Барсик тоже учился. Он освоил **«Кошачий Удар»** — выпускает когти, покрытые магическим серебром, и может поцарапать даже призрака.

На третий день Велиар сказал:

— Всё, Лера. Ты готов. Сегодня ночью идёшь чистить первый уровень подземелий — крысиный. Возьми кота, бери меч, книгу и не забудь соль. Возвращайся живым, иначе с тебя причитается пять золотых.

— Это вы мне платите, а не я вам, — напомнил я.

— Ах да, — усмехнулся маг. — Тогда просто возвращайся.

Я взял Барсика, «Громник», меч-кладенец, флягу с живой водой, соль, синий кристалл для заморозки, красный — для тепла, зелёный — для лечения. И отправился в подземелья Светлограда.

Первый уровень, крысы-оборотни, был сложен, но не смертелен. Крысы эти умели говорить, плевались кислотой и требовали выкуп сыром. Я использовал «Молнию малую», Барсик — «Кошачий Удар», и через час все твари лежали, а я чувствовал, как **мой уровень колдовства растёт.**

— Ещё два уровня, — сказал я себе, вытирая пот. — И я стану настоящим магом.

— Или покойником, — уточнил Барсик. — Но я ставлю на мага.

Глава шестая, о том, что после подземелий ждёт хорошее вознаграждение (но это не точно)

Второй уровень — призраки с топорами — был хуже. Они не боялись соли, не боялись молнии, но боялись **серебряного света**, который я создал из зелёного кристалла и заклинания «Взгляд Истины». Призраки оказались бывшими стражами замка, которые умерли, но не поняли этого.

— Вы чего, ребята? — спросил я у самого злого. — Отдохнуть не хотите?

— Хотим, — проскрежетал призрак, — но не умеем.

Я помог им — прочитал «Отходную малую» из «Громника», и призраки растворились в воздухе с облегчёнными вздохами. А после них в углу я нашёл **сундук с золотом** — тысяча монет, не считая.

— Первая прибыль, — улыбнулся я.

Третий уровень оказался почти пуст. Только в конце сидела **нежить** — старый скелет-рыцарь, который скучал и играл сам с собой в шахматы.

— Сдаюсь, — сказал он, увидев меня. — Забери мою корону, только оставь в покое. Я устал.

Я забрал корону (она оказалась заколдованной: давала владельцу +10 к мудрости и -5 к совести), а рыцаря отпустил — пусть сидит, шахматы любит, не мешает никому.

На выходе из подземелья меня встретил Велиар. Он был бледен.

— Ты жив, — сказал он.

— Как видите, — ответил я, отряхивая кроссовки от крысиной кислоты.

— Держи, — он бросил мне мешок. — Пять золотых слитков. А из сокровищницы выбери что хочешь.

Я выбрал **зеркало**, которое показывает не лицо, а истинные намерения того, кто в него смотрит. Полезная вещь для разговоров с дворянами.

— Ты стал сильнее, Лера, — сказал Велиар. — Твой уровень... он вырос. Ты теперь не просто колдун-самоучка. Ты — чародей третьего круга.

— А есть первый, второй? — спросил я.

— Есть, — усмехнулся маг. — Но тебе туда рано. Иди в трактир, отдыхай. Завтра новая работа.

Я пошёл. Барсик на плече довольно урчал. Мешок с золотом тяжело оттягивал руку. «Громник» сам собой открылся на странице «Успех и его последствия».

Я закрыл книгу.

— Потом, — сказал я. — Сначала ужин.

А в трактире «Ухомедведь» меня уже ждал горячий сбитень, пельмени и новости о том, что Феофан Третий подал на меня в суд.

— Какой суд? — спросил я хозяина.

— Магический, — ответил тот. — Завтра в полдень. Явиться обязательно.

Я вздохнул.

— Вот это жизнь, — сказал я Барсику. — То личи, то крысы, то суд. А говорили, программистом быть скучно.

Кот посмотрел на меня и ответил:

— Лера, ты сам выбрал эту планету. Вернее, она выбрала тебя. Так что пей сбитень и не ной.

Я выпил. И заснул с чувством, что завтра будет ещё интереснее.

Конец пятой части, а шестая уже пишет исковое заявление

Сказание о Лере-чародее, или Как я судился, спасал боярыню и нашёл клад под крыльцом

Часть шестая. От судебных прений до изумрудных стен

Глава первая, о суде магическом, где я чуть не оглох от криков

Утро в Светлограде началось с того, что кот Барсик прыгнул мне на лицо.

— Вставай, Лера, — заорал он (кот умел орать, когда хотел). — Суд через два часа! Феофан нанял самого дорогого адвоката в городе!

— Какого адвоката? — простонал я, пытаюсь стянуть кота с головы. — У них тут есть адвокаты?

— Есть, — сказал Барсик. — И не простые, а магические. Они говорят так быстро, что любая ложь становится правдой. А если не помогает — пускают в глаза пыльцу забвения. Так что собирайся.

Я оделся, проверил «Громник» (книга сама раскрылась на странице «Суд и его последствия», и там было написано крупными буквами: «Не ври. Не бойся. Не подписывай ничего, не прочитай»), сунул меч в левый сапог, перстень невидимости — на палец левой ноги (для удачи) и вышел.

Суд проходил в **Зеркальной палате** — круглом здании с куполом, где стены были сделаны из полированного обсидиана, и каждый звук отражался сто раз. Я вошёл — и услышал своё же «здравствуйте» четырнадцать раз, с разной интонацией.

Народу набилось — как на ярмарку. В первом ряду сидели купцы, во втором — колдуны из Гильдии (Велиар отсутствовал, но прислал записку: «Не позорь моё имя. А если позоришь — делай это красиво»), в третьем — обычные зеваки, которые принесли с собой семечки и бутерброды.

Феофан Третий сидел на скамье для обвинителей, в новом камзоле (на этот раз зелёном, с вышивкой в виде лягушек) и с лицом человека, который уже победил. Рядом с ним сидел **адвокат** — маленький, юркий человечек в мантии, похожей на вороньи крылья, с длинным носом и глазами-буравчиками.

— Заседание магического суда открыто! — ударил молотком судья, старик в красной мантии, с бородой, заплетённой в три косички (по числу стихий). — Слушается дело: «Дворянин Феофан Третий против колдуна Леры из Заозёрья». Обвинение: публичное унижение, нанесение магического урона, а также неподобающий вид в общественном месте (кроссовки).

Последнее слово судья произнёс с таким отвращением, будто речь шла о дохлой крысе в супе.

— Ваша честь, — вскочил адвокат. — Мой клиент, благородный дворянин, чей родословная уходит корнями аж в прошлый вторник, пострадал от рук этого... этого... программиста!

— Я не программист, — сказал я. — Я колдун. Программистом я был на Земле.

— Тем хуже! — взвизгнул адвокат. — Значит, вы принесли с собой чуждую магию! Алгоритмы! Антивирусы! Agile-подход!

Зал загудел. Судья ударил молотком.

— Дайте слово подсудимому, — велел он.

Я встал, поправил «Громник», погладил Барсика (кот сидел у меня на плече с самым невинным видом) и сказал:

— Ваша честь, уважаемые граждане Светлограда. Я не унижал Феофана. Я просто защищал свою честь. Он первый выхватил шпагу, он первый обозвал меня «колдунишкой», он первый... наступил на хвост моему коту.

Барсик в подтверждение жалобно мяукнул.

— Он врёт! — закричал Феофан. — У меня нет свидетелей! Точнее, они все подкуплены! То есть... их не существует!

Судья нахмурился.

— Лера, у вас есть доказательства?

Я вздохнул и достал из кармана маленькое **зеркало истинных намерений** — то самое, из сокровищницы Велиара. Направил его на Феофана. В зеркале отразилось не лицо дворянина, а надпись: «Этот человек врёт, как дышит. У него даже мысли кривые».

Зал ахнул.

— Ах так! — заорал адвокат и попытался пустить мне в глаза пыльцу забвения. Но я шепнул «Щит Ветра», пыльца разлетелась обратно, и адвокат чихнул так сильно, что его парик улетел в портрет короля на стене.

Король на портрете возмутился:

— Уберите этот безобразия! Я король или нет?

Судья устало вздохнул, снял очки, протёр их и сказал:

— Дело прекратить за отсутствием состава преступления. Феофана оштрафовать на сто монет за ложный донос и неуважение к котам. Леру признать невиновным. Заседание закрыто.

Феофан попытался что-то крикнуть, но Барсик шикнул на него, и дворянин, побледнев, выбежал из зала.

Я вышел на крыльцо суда, вдохнул свежий воздух и сказал:

— Ну вот. Теперь можно и в Изумрудный город.

— Куда? — переспросил Барсик.

Глава вторая, о дороге в Изумрудный город, где указатели врут

Изумрудный город, как выяснилось, находился в трёх днях пути на юг от Светлограда. Назывался он так не потому, что был сделан из изумрудов (хотя слухи ходили разные), а потому, что его основатель — колдун Изумруд — любил зелёный цвет и заставил всех жителей красить крыши в изумрудный. Тех, кто отказывался, превращал в лягушек. Но это было давно, и теперь лягушки уже умерли, а традиция осталась.

Дорога шла через **Серебряный лес** — не такой страшный, как Лес Мёртвых Дум, но всё же: деревья там были все в серебряной листве, которая звенела при малейшем ветре, и от этого звона через час начинала болеть голова. Я надел на Барсика маленькие наушники (сделал из заклинания «Тишина в уши»), и мы пошли.

По дороге встречались указатели:

«До Изумрудного города — 75 вёрст. До ближайшего трактира — 10 вёрст. До ближайшей засады — 3 версты. Осторожно, разбойники!»

— Оптимистично, — сказал Барсик.

Через две версты мы услышали крик.

Глава третья, о спасении молодой боярыни, которая не умела молчать

Крик доносился из оврага. Я осторожно подошёл к краю — и увидел картину, достойную кисти художника-реалиста с плохим настроением.

Карета — разбитая, лошади — распряжены и спокойно пасутся в стороне (одна явно жевала что-то с видом знатока), вокруг — разбойники. Человек восемь. Все бородатые, с дубинами, один — с рогаткой. А посреди всего этого бардака стояла **девушка** в боярском платье (расшитое золотом, с длинными рукавами, которые, судя по всему, мешали ей драться) и кричала так, что у разбойников кровь из ушей шла.

— Вы кто такие?! — орала она. — Да я вашего атамана в порошок сотру! Да мой отец — боярин Крутогор! Да он вас в котле сварит! Да я сама вас в котле сварю, если не уйдёте!

Разбойники, однако, не уходили. Атаман — здоровенный детина с бровями, похожими на гусениц — развёл руками:

— Боярышня, мы не со зла. Нам просто деньги нужны. А твой папаша — боярин Крутогор — сам нас обобрал до нитки налогами. Так что считай, это возврат инвестиций.

— Каких инвестиций?! — взвизгнула девушка.

— Мы вкладывали в него душу. А он душу в казну положил, — ухмыльнулся атаман.

Я спустился в овраг. Барсик — за мной. Разбойники обернулись.

— О, ещё один, — сказал атаман. — Ты кто, мил человек?

— Колдун Лера из Заозёрья, — сказал я. — А вы, ребята, кажется, не в курсе, что боярских детей трогать — себе дороже. У меня меч-кладенец, говорящий кот и дурное настроение после суда. Давайте разойдёмся по-хорошему.

Атаман засмеялся. Разбойники тоже засмеялись. Один особенно громко — у него даже зуб выпал от смеха.

— Слушай, колдун, — сказал атаман. — Иди своей дорогой. Это не твоё дело.

— Моё, — сказал я и достал зелёный кристалл. — Вот сейчас как дам «Корни-из-земли» — вы все вниз головой повиснете.

— А ну давай! — заорал атаман.

Я дал. Земля под ногами разбойников вздыбилась, из неё вылезли толстые корни, обвили ноги, руки, дубины, рогатки. Разбойники повисли вниз головой, кто на березе, кто на сосне, атаман — на старой осине (ему повезло меньше всех, осина скрипела и ругалась).

Боярыня перестала кричать и уставилась на меня с уважением.

— Ты... ты и правда колдун?

— А ты сомневалась? — спросил я, отряхивая руки.

— А меня научишь? — спросила она.

— Сначала познакомимся, — сказал я. — Лера.

— **Анастасия** меня зовут, — ответила девушка и присела в реверансе (что выглядело глупо, учитывая, что вокруг висели вверх ногами разбойники). — Настя, короче. Боярыня поневоле. Еду в Изумрудный город к тётке. А эти... — она кивнула на разбойников, — засаду устроили.

— Я тоже в Изумрудный, — сказал я. — Может, вместе? А то вдруг ещё нападение.

Настя согласилась. Разбойников мы отпустили — предварительно отобрав у них всё оружие и мешочек с золотом (оказалось — сто монет, ровно столько, сколько Феофана оштрафовали).

— Это вам за беспокойство, — сказал я атаману, когда он отцепился от осины.

— Спасибо, — проскрежетал тот. — Приходите ещё.

— Непременно, — ответил я.

Глава четвёртая, о кладе, который нашёлся там, где не ждали

Карету Насти починить не удалось — колесо разлетелось в щепки, а лошади, как только распряглись, ушли пастись в лес и возвращаться отказались.

— Придётся пешком, — сказал я.

— Я не умею пешком, — обиженно сказала Настя. — Я боярыня. У меня для пешком есть слуги.

— Слуг нет, — ответил Барсик. — Есть кот, колдун и три версты до постоянного двора. Ноги в руки — и пошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.